

Закономерные чудеса: буддийский взгляд на чудесное в «Собрании стародавних повестей» *Часть I

Н.Н. Трубникова

Истории о чудесах в японском буддизме показывают действие всеобщего закона воздаяния на единичных примерах, описывают разнообразные способы, какими возможно привести живое существо к спасению, подтверждают действенность молитв и обрядов. Под «чудом» понимается событие, значимое сразу в нескольких мирах: в мире людей и будд, людей и бодхисаттв, а часто также и в аду, и в мирах животных, демонов и др. Чудо «невероятно» в том смысле, что выходит за рамки привычного в отдельно взятом мире, но полностью закономерно как осуществление условий, нужных для перехода из одного мира в другой. Эти условия возможно создать нарочно, и, наблюдая их в действии, герои, а вслед за ними и слушатели, убеждаются, что одни и те же установки обыденного опыта ведут и к вовлечению в круговорот страданий, и к освобождению из него. Японские средневековые сборники рассказов *сэцува* почти не содержат теоретических рассуждений, но подкрепляют главные положения учения подборками примеров, где важны и повторяемость сюжетов, и различия между любыми двумя похожими случаями. «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*», 1120-е гг.) занимает среди таких сборников центральное место; в него вошли предания о чудесах священных книг, о возрождении в Чистой земле, о милосердных деяниях бодхисаттв. Читая рассказы, расставленные в продуманном порядке, — от чудес ожидаемых ко всё более удивительным или наоборот, — читатель здесь может заново осмыслить свой опыт, включая и представления об обычном ходе вещей, и надежды изменить его.

В первой части статьи обсуждаются понятие «чудесного», *рэйгэн*, дается обзор преданий о чудесах в «*Кондзяку*» в целом, а также прослеживается порядок рассказов о чудесах священных книг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японский буддизм, рассказы *сэцува*, воздаяние, чудо, практическая философия.

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна — журнал «Вопросы философии»; Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки.

Доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии»; ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС, профессор ИСАА МГУ.

trubnikovann@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2018 г.

Цитирование: Трубникова Н.Н. Закономерные чудеса: буддийский взгляд на чудесное в «Собрании стародавних повестей». Часть I // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 82–93.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“*Кондзяку моногатари-сю*”) в истории японской религиозно-философской мысли».

© Трубникова Н.Н., 2019 г.

О понятии «чудесного» в японском буддизме до XII в.

Если понимать чудо как событие, выходящее за пределы естественного хода вещей, «законов природы», то буддийское учение о всеобщей причинно-следственной связи, казалось бы, исключает чудеса¹. Всё, что происходит в жизни любого существа, служит воздаянием за его прежние дела, в этом смысле ничего «сверхъестественного» не бывает. Однако события обычные и чудесные все же различаются, и «чудо» может иметь примерно те же значения, что и в западных и ближневосточных традициях: и просто «замечательное», «достойное, чтобы на него смотрели», и «знамение», «прорыв из сверхъестественного в естественное» [Аверинцев 2001]².

Можно считать рассказы о чудесах в буддийских текстах уступкой людскому невежеству, средством произвести впечатление на слушателя и пробудить веру, чтобы за нею когда-нибудь последовало понимание закона воздаяния. Когда в сутрах Будда, его ученики, милосердные бодхисаттвы или боги являют чудеса — излучают свет, мгновенно перенесаются на огромные расстояния, предсказывают будущее и др. — всё это «уловки», способы сделать проповедь более наглядной. Такие чудеса подразумевают дальнейшее объяснение, почти как опыты на уроке физики. Но как быть, если рассказ весь сводится к чуду? Достаточно ли отнести его к уровню «народных верований», а то и суеверий? Я хотела бы обсудить японские рассказы о чудесах и попробовать ответить на вопросы: с какими положениями буддийской мысли они соотносятся и что дают для понимания того, как эти положения толковались применительно к повседневным делам, какой в них предстает философия буддизма в ее практическом измерении?

Вообще о буддийских чудесах в Японии речь заходит почти сразу же, как только начинается письменная традиция. В «Анналах Японии» («*Нихон сёки*», 720 г.) «начало Закона Будды в нашей стране» отнесено к 584 г. и отмечено чудом: в первом японском храме являются шарипа, угли от похоронного костра Будды³. Сообщения о чудесах встречаются затем в государственных летописях, храмовых преданиях и других текстах. На рубеже VIII–IX вв. появляется первый сборник поучительных рассказов *сэцува* — «Японские легенды о чудесах» («*Нихон рёики*»); см.: [Нихон рёики 1995]. Картина чудес в нем выглядит двойственной. С одной стороны, главная его тема — неотвратимое воздаяние счастьем за добро и бедами за зло. С другой, обычный ход вещей выглядит всё-таки таким, когда и добрые страдают, и злые процветают, а примеры обратного мыслятся как чудесные; всеобщий закон причин и последствий нуждается в знамениях для подтверждения.

Трактаты Кукая (774–835), одного из первых японских буддийских мыслителей, во многом посвящены тому, как возможен чудотворный обряд: как призвать на помощь будд и изменить ход вещей в желаемую сторону. Среди сочинений Кукая сохранилось немало текстов, приуроченных к конкретным обрядам, где всегда есть место чуду: явлению будд и бодхисаттв, спасению умерших и живых от, казалось бы, неизбежных страданий. В IX–XI вв. из всех разделов буддийского учения именно обоснования обряда, «тайнства», в Японии получают наибольшее развитие. Составляются и новые сборники рассказов. Например, в «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон одзё: Гокураку-ки*», 980-е гг.) вошли истории о буддийском рае, Чистой земле будды Амиды, а в «Записки о могуществе Лotosовой сутры в Великой стране Японии» («*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*», 1040-е гг.) — предания об одной из священных книг; см.: [Легенды 1984].

Для японских и западных толкователей в XX в. подобные тексты часто служили доводами в пользу того, что буддизм в Японии был усвоен лишь поверхностно. Целых шестьсот лет, с VII по XII в., он будто бы понимался лишь как «магия», как набор средств для обретения «пользы и выгоды», *рияку*, и только в XIII в., в трудах таких мыслителей, как Догэн, Синран и Нитирэн, стал «религией» — с настоящей верой и здравым, критическим взглядом на «чудесное»⁴. Но действительно ли традиция рассказов *сэцува* так далеко отходит от традиции философской, не допускающей чудес в смысле исключений из мирового закона?

Для «чуда», «чудесного» у японских буддийских наставников главным понятием служит *рэйгэн*. Здесь *рэй* (или *рё*·, как в заглавии «*Нихон рё:ики*») соответствует китайскому *лин* – «дух», «духовное» – и японскому *тама*, «дух», «душа». *Гэн* (как в заглавии «*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*») – кит. *янь*, яп. *сируси*, – означает «знак», «свидетельство», «подтверждение на опыте». Известные мне словари не дают санскритского аналога термину *рэйгэн*. Словарь [Накамура 1975] определяет *рэйгэн* как «непостижимый (*фукасиги*) отклик (*канно*:) богов и будд на молитву или веру». Похожее толкование дает Ч. Маллер, обобщая данные основных словарей буддийских терминов: *рэйгэн* – это «духовная сила» (*spiritual efficacy*) богов и будд, способных откликнуться на молитвы, а также сама чудесная действительность молитв, обетов, религиозной практики в целом [Muller 1995– web].

Рэйгэн, прежде всего, показывает, что за пределами мира людей есть и иные миры, где обитают будды, боги и прочие существа. Их способности другие, чем у человека: например, для богов-драконов вызывать дождь естественно, это свойство они обретают по закону воздаяния. У будд такие свойства называются санскритскими словами *абхиджня* или *риддхи*, яп. *синдзу*·. К ним относятся ясновидение, чтение мыслей, память о прежних рождениях и др.; для будд всё это тоже «естественно». Чудо же случается, когда в мире людей кто-то читает чужие невысказанные мысли, наводит грозные тучи на ясное небо и т.д.; некое событие открывает границу между мирами, тогда как внутри каждого из миров всё закономерно и постижимо. Важно, что иные миры входят в человеческую «картину мира»: невозможно считать себя человеком, не сравнивая себя с другими существами, устроенными иначе. Все миры подвержены единым закономерностям причин и последствий, они, собственно, и есть те области, где возможно переродиться, и неверие в «чудеса» иных миров означает отрицание закона воздаяния.

Далее, «отклик» будд (бодхисаттв, богов) на молитву предполагает не просто их появление в мире людей – где их, строго говоря, бывать не должно, это не их мир – но и вмешательство в события чьей-то конкретной жизни. *Рэйгэн* – не просто дождь, но дождь для кого-то, кто страдал от засухи. На вопрос, как подобное возможно, отвечает учение об «обращении заслуг», *эко*·; санскр. *паринамана*. Согласно ему, каждый может передать благие последствия своих деяний кому пожелает; на этом строится учение о милосердном подвижничестве ради других. Сама по себе такая передача чудесной не считается; закон воздаяния предусматривает как наказание за грехи, так и награду за добрые дела, и распорядиться наградой праведник может сам, точно так же как грешник может покаяться и постараться исправить последствия своих дурных дел. О чуде же говорится тогда, когда кто-то могущественный из лучших миров обращает часть своих заслуг на пользу данному существу, терпящему страдания. Причиной для помощи может считаться то, что в мире людей кто-то совершил благое дело – переписал одну из книг буддийского канона, изваял или нарисовал одного из будд и т.п., – а заслуги обратил на пользу страждущему, или тот сам в прошлом сделал что-то хорошее, а теперь ему это зачлось.

О названных делах говорится, что они возвращают «корни блага», *дзэнкон*, потому что помогают сохранить и распространить Закон Будды, словами или зримыми образами донести учение об освобождении до ещё большего числа людей. То, что такие дела дают «заслуги» вообще, кажется понятным. Но почему на них откликаются именно те, кого они коснулись: действующие лица той книги, которую переписали, будды, чьи изображения изготовили? Это объясняется тем, что помимо пользы для всех людей подобные деяния еще и «завязывают связь», *кэтиэн*, между людьми и их возможными помощниками; см.: [Nakano 2009]. «Таинства» предлагают разнообразные средства для такого адресного обращения заслуг: заклатья, особые жесты, приемы сосредоточения, ведущего к тому, что исполнитель обряда осознаёт себя единым с таким-то буддой и действует от его имени. И всё же остается неясным: какие из причин, созданных самим человеком или переданных извне, когда сработают, как они будут гасить или усиливать друг друга, что в итоге окажется сильнее – грехи или заслуги? Общий ответ здесь может быть лишь такой: в каждом случае по-разному. Отсюда и важность примеров, они же рассказы о чудесах.

В первом отечественном издании избранных *рэйгэнки* [Легенды 1984] А.Н. Мещеряков распределяет рассказы по восьми разрядам: «Подвижники и кудесники» (жизнеописание); «След прошлого» (невероятные события, объяснимые лишь за счёт отсылки к деяниям героев в их прежних жизнях); «Исполненные молитвы» (обретение счастья в нынешней жизни); «Неотвратимое возмездие» (прижизненное); «Чудесные статуи и сутры», «Праведный суд» (посмертный); «Край Вечной Радости» (возрождение в Чистой земле); «Мир полон чудес» (прочие удивительные случаи). Сборник А.Н. Мещерякова основан на рассказах из «Японских легенд о чудесах», «Японских записок о возрождении» и «Записок о чудесах Лотосовой сутры». Многие из этих историй, наряду с рассказами из других источников, входят также и в «Стародавние повести» («*Кондзяку моногатари-сю*», около 1120 г.)⁵.

«Стародавние повести»: состав собрания и структура рассказа

Среди сборников рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» – самый крупный. В него входят больше тысячи историй, распределенных по трем странам: Индия во времена Будды и в несколько веков после Будды, Китай от эпохи Конфуция до недавней поры и Япония от начала VII в. до начала XII в. В каждом разделе сначала помещены рассказы о Законе Будды, затем о мирских делах. Один из самых авторитетных исследователей традиции *сэцува*, Нагано Дзэйти, обозначил их все как «литературу изумления», *одороки-но бунгаку* [Нагано 1949]. Они повествуют о «замечательном», *мэдэтаки*, «странном», *аясики*, «удивительном», *кии*, но не всегда «чудесном»: выдающийся успех поэта, полководца или врача, чья-то редкостная глупость или хитроумие тоже могут быть темами для *сэцува*. Структура рассказа обычно такова: повествователь представляет героя, затем сообщает, как с ним приключилось нечто необычное, как он повел себя и что из этого вышло. Нередко, хотя и не всегда, в конце делается поучительный вывод. Например (14–2)⁶:

В стародавние времена, при государе [?], жил человек по имени [?]⁷, наместник края Синано.

Отслужил он в том краю. И вот, по пути в столицу стала его преследовать большая змея. Где он остановится, там и змея поджидает, прячется в кустах. Днем ползет то позади, то впереди, а ночью заползает под его короб с одеждой. Люди говорят: это очень странно! Убьем ее! А наместник им: не надо убивать. Наверняка этому есть причина.

Сказал так, а в сердце своем взмолился:

– Змея, что следует за мной, это кто-то из здешних богов? Или ее наслало проклятье злого духа? Никак не пойму! Допустим, я ошибаюсь, но обычному человеку такое трудно понять! Пусть же мне дан будет знак во сне!

Так наместник молился, а ночью ему во сне явился человек в пестром кафтане и штанах, упал на колени и говорит:

– Мой давний злейший враг прячется у тебя в платяном коробе! Чтобы добраться до него, я день за днем преследую тебя. Когда посчитаюсь с ним, уберусь восвояси!

Так он сказал, наместник увидел это и проснулся.

Когда рассвело, он рассказал сон своим людям. Тут же открыли короб, смотрят – а на дне старая крыса. Кажется страшно перепуганной, но при виде людей не убежала, а затаилась в коробе. Люди глядят на нее, говорят: давайте крысу выгоним! А наместник понял: крыса и змея были заклятыми врагами в прежней жизни. И тут в сердце его пробудилось глубокое сострадание. Если крысу выгнать, – думает он, – змея ее сразу сожрет. Лучше я взращу корни блага и спасу обеих: и змею, и крысу. Так он решил и остался там, чтобы за один день переписать «Сутру о Цветке Закона»⁸ и поднести общине. Вся его немалая свита взялась помогать, трудились целый день – и успели! Попросили монаха, что ехал с ними, провести обряд по всем правилам ради тех двоих.

Ночью наместнику во сне явились два человека: оба красавцы, улыбаются, одеты нарядно. Встали перед ним, поклонились и говорят:

— Мы в прошлой жизни связали себя узами вражды, и вот, явились убить друг друга. Каждый думал: «В этот раз уничтожу!» — и гонялись друг за другом. Ты пожалел нас и, чтобы спасти, за день переписал всю «Сутру о Цветке Закона» и преподнес общине. Ты взрастил корни блага, и сила их избавила нас от воздаяния в мире скотов, теперь мы возродимся на небе Тридцати трех богов⁹. За такое благодеяние полностью не воздать даже за много жизней, за много веков!

Сказали так и оба взлетели в небо. И тут же звуки чудесной музыки наполнили воздух. Увидев это, наместник проснулся.

Утром посмотрели — а змея издохла. Заглянули в короб — крыса тоже издохла. Люди, видя это, все умилялись без конца и чтили сутру.

Поистине, редкого сердца человек был наместник! Надо думать, на много веков, на много жизней стал он благомудрым другом тем двоим¹⁰! А чудесная сила «Сутры о Цветке Закона» непостижима!

Прибыв в столицу, наместник рассказывал об этом случае, и кто его слышал, так передают этот рассказ.

Чудесам, явленным в Японии, в «*Кондзяку*» посвящены свитки с 11-го по 20-й. Первыми идут предания о начале японского буддизма (свитки 11-й и частично 12-й). За ними следуют истории о чудесах «Лotosовой сутры» и других священных книг (конец свитка 12-го, свитки 13-й и 14-й); о возрождении в Чистой земле будды Амиды (свиток 15-й); о чудесах бодхисаттвы Каннон (свиток 16-й); Дзидзо и других бодхисаттв и индийских богов, чтимых в Японии (свиток 17-й). 18-й свиток не сохранился; в 19-м говорится о том, как разные люди решались уйти в монахи, а в 20-м обсуждаются злые чары: как демоны или звери пытались навредить людям и были посрамлены. Сюда же вошли рассказы о том, как люди сами на себя навлекали воздаяние несчастьем. Жанр *рэйгэнки*, «записок о чудесах» как таковых, представлен свитками с 13-го по 17-й.

Чудеса священной книги

Итак, в начале японской части «*Кондзяку*», в свитке 11-м, речь шла о том, как в Японии был усвоен Закон Будды. Здесь разные люди являли чудеса, уже знакомые читателю «Стародавних повестей» по рассказам о Будде и его индийских учениках из первой части, а также о китайских праведниках из части второй. Их тела излучали свет, они с детских лет были мудры, как не всякий взрослый, хорошо помнили свои прежние жизни, летали по воздуху, речами увлекали толпы людей, подчиняли буйных богов. Некоторые чудотворцы были воплощенными бодхисаттвами, другие просто людьми, но так или иначе «знаки», явленные ими, показывали, что страна готова принять учение Будды. Это подтверждали и китайские учителя, у которых учились японцы (11–4, 11–9, 11–10), а порой за наукой даже не требовалось ехать за море: надобные книги неведомо как появлялись в Японии (11–5, 11–9). За историями об основателях японских буддийских школ следуют предания о строительстве храмов, и здесь уже «знаки» подают не люди, а деревья, скалы, животные и сама земля. Далее в свитке 12-м рассказано, как впервые были проведены важнейшие обряды; сюда же включены жизнеописания монахов — странников и отшельников.

Вообще буддийские наставники часто противопоставляют книжную науку подвижничеству, будь то суровая аскеза в одиночестве или милосердная забота о людях. Но в «*Кондзяку*», на мой взгляд, такого разделения нет: часто отшельник ищет уединения именно затем, чтобы читать книги «про себя и вслух», даже если его никто не слышит, кроме незримых горных жителей. Из всего огромного буддийского канона в «*Кондзяку*» за редкими исключениями говорится о чудесах одной книги, особенно чтимой

мой в Японии: «Сутры о Цветке Закона», она же «Лотосовая сутра». Правда, ее содержание почти не обсуждается; скорее, она представляет за весь канон¹¹.

Поначалу книга выглядит просто как чудесный предмет. Ларец для сутры, не похожий по размеру, сам собою увеличивается (12–26); рыба, предназначенная в пищу недужному монаху, оборачивается сутрой перед глазами хулителя, а потом опять становится рыбой (12–27); лишь один знак из книги спасает человека от демона-людоеда (12–28); сутра не горит в огне (12–29, 12–30). Подвижник продолжает читать сутру и после смерти: язык остается живым среди иссохших костей (12–31). Далее в свитке 12-м помещены жизнеописания знаменитых монахов, чьи деяния не сводятся к почитанию сутры, хотя для каждого из них она и важна (рассказы с 12–31 по 12–40).

В свитке 13-м главная мысль «Лотосовой сутры» всё же звучит. Рассмотрим один из рассказов (13–25):

В стародавние времена в краю Суо в уезде Оосима жил отшельник по имени Кито. В юности он принял и усвоил «Сутру о Цветке Закона», дни и ночи читал ее про себя и вслух, не жалея своей жизни, каждый день прочитывал книгу вслух по тридцать и больше раз, неустанно и неотступно.

Он дожил до ста сорока с лишним лет, но спина его не согнулась, двигался легко, выглядел очень молодо, лет на сорок, не больше. Взор ясный, без помех видел всё, что вдали. Слух острый, ничего не пропуская, слышал отдаленные звуки. Люди говорили про него: отшельник достиг чистоты «шести корней» (пяти чувств и ума. — *Н.Т.*)

А еще милосердие в сердце его было глубоко, мудрость обширна. Даже касаясь травы и деревьев, он их почитал, и уж конечно, встречая кого живого, всем кланялся, словно буддам. Хотя и дожил до старости, на вид не одряхлел, только сожалел о непостоянстве миров, печалился обо всех, кто рождается и гибнет, читал «Сутру о Цветке Закона» и желал возродиться в Чистой земле.

Думается, раз в нынешней жизни он прожил так долго и телом не страдал, это далось ему чудесной силою чтения «Сутры о Цветке Закона». А значит, и в будущем веке он возродился в Чистой земле, сомнений нет! Так передают этот рассказ.

Здесь сутра прямо не цитируется, но описание отшельника отсылает к так называемой «малой сутре»: фразе из главы XX, которая, как считается, выражает самую суть «Цветка Закона». В переводе А.Н. Игнатовича эти слова бодхисаттвы по имени Никогда Не Презирающий звучат так: «Я глубоко почитаю вас и не могу относиться к вам с презрением. Почему? Потому что вы все будете следовать Пути бодхисаттвы и станете буддами!» [Лотосовая сутра 1998, 265]. Необычайное долголетие монаха не просто доказывает правильность его образа жизни, но, вероятно, еще и отсылает к другому важному месту в сутре: главе XVI, где Будда признаётся, что прожил не человеческую жизнь в «сорок с чем-то лет», а неизмеримо долгий срок. «Все живые» здесь — те, кем можно переродиться по закону воздаяния; травы и деревья к такому не относятся, но отшельник почитает и их, видимо, считая, что они могут стать буддами¹²

Как и сказано в самой сутре, ее «хранителям», *дзикё*: тем, кто читает ее и переписывает, помогают бодхисаттвы и боги. Незримые божества перематывают от конца к началу прочитанные свитки (13–1, 13–9), «хранителям» помогают дикие звери (13–2), демоны (13–4), а порой отшельник сам обретает чудесные силы: научается летать, вспоминает прежние жизни и др. (13–3, 13–7). Правда, в рассказе 13–8 монах воочию видит, как его грех уничтожает заслуги, накопленные чтением сутры; в рассказе 13–12 о том же сокрушается монахиня. Мирянин, помогавший отшельнику, возвращается из ада (13–6); один подвижник продолжает читать сутру и после смерти (13–11); другой возвращается из ада, чтобы читать сутру дальше (13–13). Чтец обретает зуб Будды (13–4), другой видит во сне бодхисаттв (13–15), третий является во сне мирянину в окружении богов (13–16). Все эти «знаки» подтверждают, что подвижники на верном

пути. Правда, «знаками» могут служить и испытания, причем подвижники идут на них сознательно, помня, что в сутре сказано: ее хранителям предстоит выдержать и гонения, и другие беды. Так в рассказе 13–10 монах совершает кражу и садится в тюрьму, чтобы читать сутру для узников, а в рассказе 13–22 отдает свое тело на съедение насекомым. Отчасти эти рассказы предвосхищают проповедь Нитирэна с его установкой на мученичество ради сутры; см.: [Трубникова, Бабкова 2014].

Чтение сутры спасает от змей (13–17), от голода и слепоты (13–18, 13–26), от урагана (13–19), от притеснений власть имущих (13–20, 13–38), от опасностей в пути (13–21). Эти истории можно понимать в том смысле, что приверженца сутры ждут испытания, даже когда он нарочно их не ищет, и сама же сутра помогает их преодолеть. Странствующим чтецам сопутствуют бодхисаттвы (13–27) и звери (13–28); перед смертью в руке у чтеца неведомо откуда появляется цветок лотоса (13–28); голос чтеца слышится и после его кончины (13–29, 13–30). В рассказе 13–31 монах возвращается к мирской жизни, но умирает, читая сутру. В следующем рассказе книжник видит во сне, как сутра улетает от него, но означает это, что книга прежде него отправилась в Чистую землю, и он достойно встречает смерть. Сутру почитают не только люди, но и драконы (13–33), монах с ее помощью помогает придорожному божеству (13–34), ее читают для судьи мертвых, бога Эмма (санскр. Яма, 13–35). В рассказе 13–36 чтение «Лотосовой сутры» и других книг помогает мирянке при жизни воочию увидеть Чистую землю.

Дальше в нескольких рассказах речь идет о состязаниях между подвижниками разных книг, чья сутра лучше: «Лотосовая» или «Сутра цветочного убранства» (13–39), «Лотосовая» или «Сутра золотого света» (13–40), «Лотосовая» или «Алмазная» (13–41). «Цветок Закона» неизменно побеждает, причем соревнуются между собой не столько сами чтецы или книги, сколько персонажи этих книг, те существа, чья помощь в каждой из сутр обещана ее почитателям. Последние три рассказа в этом свитке начинают тему, которая будет продолжаться в свитке 14-м: чтение и переписывание сутр ради умершего помогает улучшить его посмертную участь. Связь с сутрой может быть многолетней (как у храмового служителя, который сам не читал, но много раз слышал чтения разных сутр, 13–42) или мимолетной (как у беспутного мирянина, слышавшего сутру всего один раз, 13–44), но какая-то связь должна быть, иначе и близкие не смогут человеку помочь после его смерти, какие бы благие дела ни совершали ради него.

В свитке 14-м заслуги от чтения и переписывания сутры освобождают тех, кто за грехи возродился животным (змеей, лисицей, обезьяной – рассказы с 14–1 по 14–6) или попал в ад (14–7, 14–8), обеспечивают новое рождение в мирах людей или небесных богов. В большинстве историй грешники сами просят героя переписать ради них сутру, и само то, что они способны попросить о помощи, явиться из иного мира в мир людей, объясняется тем, что при жизни они каким-то образом «завязали связь» с книгой, чье учение охватывает все миры (14–7). В мире людей связь с сутрой объединяет монахов и мирян, знатных и простых. Монаха, который поддался алчности и возродился змеей, спасает мирянин, бывший его прихожанин (14–1); министр переписывает сутру ради горожанки, однажды проведшей ночь с государем (14–4). В рассказе 14–8 для спасения грешницы требуется переписать «Лотосовую сутру» тысячу раз. За дело берутся ее дети и муж, писарь из краевой управы, хотя работа для них непосильна. Им берутся помочь сослуживцы писаря и сам наместник края, а потом ко благому делу присоединяются наместники, чиновники и монахи из соседних краев.

Далее следуют две истории о тех, кто при жизни спасся от грозящих страшных мук благодаря сутре: рудокоп выбрался из завала в шахте (14–9), жестокий воин по наущению хранителя сутры отказался от насилия и тем избавил себя от мук ада (14–10). Рассказ 14–11 выделяется из ряда соседних историй: в нем один из первых японских хранителей «Лотосовой сутры», царевич Сётоку-тайси (живший на рубеже VI–VII вв.) чудом помогает обустроить ежегодные чтения сутры в храме, который он сам же когда-то и основал, но обрядов «Цветка Закона» не учредил.

Общая тема следующих рассказов (с 14–12 по 14–24) звучит неожиданно: сутра могущественна, но не всемогуща, ее чудес порой недостаточно, чтобы изменить судьбу

человека, полученную по закону воздаяния. Здесь каждому из героев что-то мешает быть достойным хранителем «Цветка Закона»: не получается выучить два знака в сутре (14–12), три ее строки (14–13), одну главу (14–14), три главы (14–15), одну главу, последнюю (14–16), два последних свитка (14–17), последний свиток (14–18). Другим хранителям сутры мешают слепота (14–19), бедность (14–22), неприглядная внешность (14–20, 14–21, 14–23), житейская глупость (14–24). Все они видят вещие сны и узнают, за какие дела прошлой жизни им воздалось этими недостатками и как их исправить, если их вообще нужно исправлять. В одних случаях речь идет о грехе, пусть и невольном: человек читал сутру при светильнике и прожег в свитке дырку (14–12); жучок жил в книге и прогрыз ее (14–13), змея вылизывала масло из храмовых светильников (14–19). В других случаях животные слышали сутру, но не дослушали: например, потому, что хозяева их увели из храма. Так или иначе связь завязалась не со всей сутрой, а только с ее частью.

Все тринадцать рассказов в этой серии почти одинаковы, меняются только имена героев, недостатки и их причины, а также храмы, где герои молятся, и обличья вестников в сновидении: старцы-монахи, бодхисаттва, отрок, демон, небесная дева и др.¹³ Эта частичная повторяемость чудес, на мой взгляд, призвана показать: отклик будд и прочих почитаемых заступников – вообще-то свободных в том, кому помогать, а кому нет, – столь же закономерен, как и те несчастья, из-за которых люди этого отклика просят. В любом случае решающим оказывается то, насколько крепка завязанная связь.

Причина для того, чтобы связь завязалась, может выглядеть ничтожной: в самом деле, что могли понять в сутре лошадь прихожанина, храмовая собака, сверчок на стене, даже если слышали голоса чтецов? Однако и страдания порой выглядят столь же странными, маловажными на сторонний глаз. Например (14–21):

В стародавние времена жил у речки Ёкавы на горе Хиэй святой отшельник, монах по имени Ёкё. Он был учеником общинного главы Какутё¹⁴. Поднялся на гору юным, вслед за учителем принял и усвоил «Сутру о Цветке Закона», день и ночь читал ее про себя и вслух. А потом ушел с горы и затворился близ водопада Миноо в краю Сэтцу, читал «Сутру о Цветке Закона» и предавался подвижничеству.

Однажды Ёкё ночью перед буддой читал сутру и отбивал поклоны. Прочие тамошние жители услышали и видят во сне, будто старый пес сидит перед буддой и громко воеет, а потом вскакивает и кланяется будде. Все проснулись, глядят – а перед буддой сидит Ёкё, читает вслух и отбивает поклоны. Одно и то же приснилось нескольким людям, и они о том рассказали Ёкё.

Он выслушал и, чтобы понять, в чем дело, на семь дней отказался от еды, затворился в храме и молился: «Объясните мне, что значило то сновиденье!» На седьмую ночь ему во сне явился старый монах и молвил:

– В прошлый раз ты родился в теле вислоухого пса. Пес жил при келье хранителя «Сутры о Цветке Закона», днем и ночью слушал, как тот читает сутру. Ее сила избавила тебя от песьего воздаяния: ты родился в теле человека, стал монахом, читаешь «Сутру о Цветке Закона». Но настрой прежней жизни остался, и теперь другие во сне видят тебя в песьем обличье. Я бодхисаттва Нагарджуна.

Так он объяснил, Ёкё увидел это и проснулся.

Потом, глубоко стыдясь деяний, что унаследовал из прошлого, он ушел оттуда, пустился в странствия, останавливался, где придется, днем и ночью читал «Сутру о Цветке Закона» и каялся в грехах, что мешают «шести корням». «В нынешней жизни благая сила «Сутры о Цветке Закона» поможет мне, я никогда не вернусь на три [дурных] дороги¹⁵, а непременно возрожусь в Чистой земле!» – такой он дал обет. Так передают этот рассказ.

«Настрой» здесь — *кибун*, этим словом в буддийских текстах обычно называют состояние монаха перед началом подвижнических упражнений [Muller 1995— web]. В соседних рассказах «настрой прежних жизней» тоже сказывается: монах, прежде бывший черным быком, родился чернокожим и стыдится этого (14–20); другой, тоже бык, унаследовал из бычьей жизни привычку постоянно двигать ртом (14–23), а третий, в прошлом конь, очевидных лошадиных черт не имеет, но их распознаёт опытный физиогномист (14–24). Подробнее о «наследовании» из прошлого см.: [Бабкова 2019].

Вернемся к рассказу 14–21. Казалось бы: какая разница человеку, каким его видят во сне? Разве это зависит от него, а не от тех, кому снится сон? Вероятно, в этом рассказе не случайно появление Нагарджуны (II в. н.э.), крупнейшего буддийского философа Индии, создателя учения о всеобщей «пустоте», относительности¹⁶. Итак, недостатки почитателей сутры столь же относительны, как и заслуги: их значимость определяется не по какой-то общей шкале, а по тому, насколько они важны в пределах опыта данного существа. Так же и с сутрой: понимать ее, поклоняться ей, просто слушать ее или грызть ее свиток — действия равнозначные в том смысле, что «завязывают связь» с нею.

Правда, связь с сутрой может быть как доброй, так и дурной, точно так же как и связи между живыми существами в круговороте перерождений. В пяти следующих рассказах 14-го свитка говорится о том, как были наказаны люди, непочтительные к «Лотосовой сутре» или к ее хранителям. Монах не ценит своей участи скромного чтеца, мечтал перебраться в крупный храм, но вещей сон остановил его (14–25); похотливый переписчик сутры приставал к прихожанке в храме и умер (14–26); хулиитель и насмешник сделали уродами (14–27, 14–28); легкомысленный каллиграф переписывал сутру без должного почтения, умер, в преддверии ада дал обет впредь работать как следует, вернулся в мир живых, обета не исполнил, умер опять и попал в ад, но друзья завершили его работу и облегчили его страдания (14–29).

Последнюю треть свитка занимают истории о почитании других священных книг. В их число входят самые знаменитые сутры махаяны: «Сутра золотого света», наряду с «Лотосовой» читаемая для «защиты страны» (14–29); «Большая сутра о запредельной премудрости», самый крупный текст в китайской версии буддийского канона (14–30); «Сутра сердца», одна из самых коротких сутр (14–31, 14–32); «Алмазная сутра», учащая о всеобщей относительности (14–33; 14–34); «Сутра о человеколюбивых государях», еще одна сутра для «защиты страны» (14–35). Здесь же упомянуты «всеохватные сутры великой колесницы», неясно, какие именно (14–36, 14–37, 14–38) и «Сутра о нирване» (14–39). Содержание этих сутр, как и в случае с «Лотосовой сутрой», в рассказах почти не обсуждается. За исключением рассказа 14–39, все эти истории относятся к VIII–IX вв., когда в японской буддийской общине ещё не сложились предпочтения по части канонических текстов, еще не ясно было, что самой чтимой станет «Лотосовая сутра».

В последних шести рассказах речь идет не о книгах как таковых, а о мантрах, то есть текстах, для того и предназначенных, чтобы призывать на помощь людям чудесные силы будд. В рассказе 14–41 вместо звучащего текста появляется изображение, мандала, также наделяемое чудотворной силой. Чудеса здесь примерно те же, что и в историях о «Лотосовой сутре»: умершие возвращаются в мир живых из преддверия ада (14–30, 14–31); тело чтеца излучает свет (14–32); больные исцеляются (14–33, 14–35, 14–36); человек узнаёт, за какие грехи отец его возродился быком (14–37); монах чудом избегает козней врагов (14–38). По-иному построен рассказ 14–34: в нем чтец сутры, в прошлом дворцовый охранник, избавляет дворец от дурного знаменья (огромного числа птиц, свивших гнезда под крышей государевых палат). А в рассказе 14–39 ничего чудесного не происходит вовсе: здесь говорится о соперничестве и примирении двух знатоков канона. Правда, в следующем рассказе такое же соперничество оборачивается состязанием в чудотворстве, и побеждает не сильнейший, а более хитрый (14–40). Завершающая часть свитка переключается с рассказами из свитка 12-го, где речь шла об обрядах: мантры помогают вызвать дождь (14–41), защититься от демонов (14–42) и от змей (14–43), один обряд спасает от морового поветрия (14–44), другой

от нашествия врагов (14–44). Примечательно, что в последнем рассказе врагами выступают японцы; корейские чудотворцы насылают безумие на их воеводу и поход отменяется. В обряде участвуют пришлый монах из Китая и его японский ученик; сам того не ведая и не желая, японец помогает погубить своего соотечественника. Здесь повествователь подходит к тому, что чудотворные обряды, пусть и действенны, не всегда хороши. Другой пример описан в рассказе 14–40: монах вызывает чудотворный огонь, чтобы испечь каштаны для государя, причем не где-нибудь в пути, а во дворце, где то же самое могли бы проделать и повара на кухне. В итоге этот чудотворец вяжется во вражду с другим и терпит поражение.

Продолжение следует

Примечания

¹ Теория взаимозависимого возникновения, санскр. *пратитья-самутпада*; см.: [Лысенко 2011; Бурмистров 2018; Ложкина 2018].

² О некоторых современных трактовках «чудесного» см.: [Астапов 2017].

³ По преданию, Будда перед уходом в нирвану велел раздать свои останки всем народам, у кого он при жизни находил приют, и в дальнейшем, по мере расширения буддийского мира, *шарира* снова и снова находили в разных странах.

⁴ Обзор разных точек зрения на этот вопрос см. в книге: [Трубникова, Бабкова 2014].

⁵ Я пользуюсь изданиями [Кондзяку 1993–1999; Кондзяку 2014–2018 web]; см. также: [Кондзяку 1975; Konjaku 2015].

⁶ Здесь и далее при ссылках на «Кондзяку» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем.

⁷ Знаки [?] – пропуски в сохранившемся тексте «Кондзяку».

⁸ Она же «Лотосовая сутра», см.: [Лотосовая сутра 1998].

⁹ То:ритэн, санскр. Траястримша, в буддийской космографии одно из небес, населенных богами.

¹⁰ Обычно «благодарным другом», *дзэнтисики*, санскр. *кальяна митра*, называется тот, чьими стараниями люди узнают об учении Будды.

¹¹ Выбор именно «Лотосовой сутры» может объясняться тем, что в работе над «Кондзяку» участвовали монахи школы Тэндай, для которой эта сутра была главной. Но и в других японских памятниках XI–XII вв. «Лотосовая сутра» первенствует по числу цитат.

¹² О том, могут ли растения стать буддами, см.: [Трубникова 2016].

¹³ Иногда исследователи делают из этой монотонности вывод, что «Кондзяку» – свод материала в помощь проповеднику, не рассчитанный на чтение подряд. Однако, в отличие от многих других сборников, здесь каждый случай именно рассказан, а не кратко законспектирован. О соотношении между сборниками см.: [Трубникова, Коляда 2018].

¹⁴ Монах Ёкё (ум. 1066) и его учитель Какутё (960–1034) известны по документам школы Тэндай.

¹⁵ Миры ада, голодных духов и животных.

¹⁶ Из сочинений, принадлежащих или приписываемых Нагарджуне, для традиции почитания «Лотосовой сутры» особенно важен «Большой трактат о заповедной премудрости» (санскр. «*Махапраджняпарамита-шастра*», яп. «*Дайтидо-рон*»), где сутра цитируется много раз. Притчи из этого трактата, в свою очередь, стали важным источником для традиции *эцува*, в том числе и для «Кондзяку».

Источники – Primary Sources

Кондзяку 1975 – Стародавние повести. Предисловие, перевод и комментарий В.С. Сановича // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Художественная литература, 1975. С. 649–657 (*Konjaku monogatari shū*, selected tales translated into Russian by Viktor S. Sanovich).

Кондзяку 1993–1999 – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999 (Konno, Tōru et al., eds (1993–1999) *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo, SNKBT series, Vol. 33–37, in Japanese).

Кондзяку 2014–2018 web – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисюто кэнсяку [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018. <http://yatanavi.org/text/>

k_konjaku/index.html (Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) *Konjaku monogatari shū*, Digital edition, in Japanese).

Легенды 1984 – Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. Пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984 (Meshcheryakov, Alexander N., Trans. (1984) *Japanese Miraculous Tales, 9th–11th Centuries*, Nauka, Moscow).

Лотосовая сутра 1998 – Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Издание подготовил А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998 (*Lotus Sūtra* Translated from Chinese into Russian by Alexander N. Ignatovich).

Нихон рёйки 1995 – Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995 (*Nihon ryōiki* Translated into Russian by Alexander N. Mescheryakov).

Konjaku 2015 – Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the *Konjaku monogatari shū* by Yoshiko Dykstra. Vols. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

Ссылки – References in Russian

Аверинцев 2001 – *Аверинцев С.С.* Чудо // Новая философская энциклопедия. М.: ИФ РАН; Мысль, 2001. Т. 4. С. 376–368.

Астапов 2017 – *Астапов С.Н.* Достоверность чуда: трудности эвиденциалистского подхода // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 121–130.

Бабкова 2019 – *Бабкова М.В.* О понятии «воздаяния» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 3 (в печати).

Бурмистров 2018 – *Бурмистров С.Л.* Учение йогачары о сознании-сокровищнице и понятие причинности в индийской философии // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 190–210.

Ложкина 2018 – *Ложкина А.В.* Концепция взаимозависимого возникновения (*pratitya-samutpada*) в текстах палийского канона // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 202–212.

Лысенко 2011 – *Лысенко В.Г.* Пратитья самутпада / Философия буддизма. Энциклопедия. Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 549–554.

Нагано 1949 – *Нагано Дзё:ити.* Кондзяку моногатари хё:рон – одороки-но бунгаку [Стародавние повести в критической оценке: литература изумления]. Токио: Сибундо:, 1949.

Накамура 1975 – *Накамура Хадзимэ.* Буккё:го дайджитэн [Большой словарь буддийских терминов]. Токио: То:кё: сёсэки, 1975.

Трубникова 2016 – *Трубникова Н.Н.* И все-таки: становятся ли буддами травы и деревья? // Осмысление природы в японской культуре. М.: Дело, 2016. С. 9–38.

Трубникова, Бабкова 2014 – *Трубникова Н.Н., Бабкова М.В.* Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Трубникова, Коляда 2018 – *Трубникова Н.Н., Коляда М.С.* «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов сэцува VIII–XI вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 35–45.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 2. P. 82–93

Regular Miracles: Buddhist View of the Wondrous in *Konjaku monogatari-shū Part I**

Nadezhda N. Trubnikova

Stories about miracles in Japanese Buddhism show the effect of the universal law of retribution on single examples, describe various ways to bring a living being to salvation, confirm the validity of prayers and rituals. “Miracle” means an event that is meaningful in several worlds at once: in the world of humans and buddhas, humans and bodhisattvas, and often also in hell, and in the worlds of animals, demons, etc. The miracle is “incredible” in the framework of the habitual in a single world, but completely “naturally” as the realization of the conditions necessary for the transition from one world to another. It is possible to create these conditions on purpose, and by observing them in action, the heroes, and after them the

* The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “Konjaku monogatari shu in the history of Japanese religious philosophy”.

listeners, make sure that the same attitudes of everyday experience lead to involvement in the circulation of suffering, and to liberation from it. The Japanese medieval collections of *setsuwa* tales contain almost no theoretical arguments, but they reinforce the main points of the teaching with series of examples where the repetition of the subjects and the differences between any two similar cases are important. *Konjaku monogatari-shū* (1120s) occupies a central place among such collections; it includes legends about the miracles of the sacred books, about the rebirth in the Pure Land, about the merciful deeds of bodhisattvas. Reading the stories arranged in a well-thought-out manner – from miracles expected to ever more surprising, or vice versa – the reader here can rethink his experience, including ideas about the usual course of things, and hopes to change it.

The first part of the article discusses the concept of the “miraculous,” *reigen*, gives an overview of the legends about miracles in *Konjaku* as a whole, and traces the order of the stories about the miracles of the sacred books.

KEY WORDS: Japanese Buddhism, *setsuwa* tales, retribution, miracle, practical philosophy.

TRUBNIKOVA Nadezhda N. – Voprosy Filosofii Journal; School of Actual Studies in Humanities RANEPa; Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

DSc in Philosophy, deputy chief redactor, Voprosy Filosofii Journal; leading researcher,

SASH RANEPa, professor, IAAS, Lomonosov Moscow State University.

trubnikovann@mail.ru

Received on November 27, 2018.

Citation: Trubnikova, Nadezhda N. (2019) “Regular Miracles: Buddhist View of the Wondrous in *Konjaku monogatari-shū*. Part I”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 82–93.

DOI: 10.31857/S004287440003876-8

References

Astapov, Sergey N. (2017) “Veracity of a Miracle: Difficulties of the Approach of Evidentialism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 121–130 (in Russian).

Averintsev, Sergei S. (2001) “Miracle”, *New Encyclopedia of Philosophy*, IPhRAS, Mysl', Moscow, pp. 367–368 (in Russian).

Babkova, Maya V. (2019) “The Meaning of the Hō (Retribution) in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2019), forthcoming (in Russian).

Burmistrov, Sergey L. (2018) “Yogācāra Teaching on the Store Consciousness and the Concept of Causality in Indian Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 190–201 (in Russian).

Lozhkina, Anastasiya V. (2018) “The Conception of Co-dependent Arising (pratītya samutpāda) in Pāli Canon”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 202–212 (in Russian).

Lyssenko, Victoria G. (2011) “Pratītya samutpāda”, *Buddhist Philosophy: Encyclopedia*, ed. M.T. Stepanians, Vostochnaya Literatura, Moscow, pp. 721–724 (in Russian).

Muller, A. Charles (1995–) *Digital Dictionary of Buddhism*, <http://www.buddhism-dict.net/ddb/>.

Nagano, Jōichi (1949) *Konjaku monogatari hyōron – odoroki no bungaku* [Konjaku monogatari in Critical Appraisal – Literature of Amazement], Shibundō, Tokyo (in Japanese).

Nakamura Hajime (1975) *Bukkyō-go daijiten* [Buddhist Terms Dictionary], Tōkyō Shoseki, Tokyo (in Japanese).

Nakano, Chieko (2009) “*Kechien*” as Religious Praxis in Medieval Japan: Picture Scrolls as the Means and Sites of Salvation, *Dissertation... for the Degree of Doctor of Philosophy*, University Of Arizona, Tucson.

Trubnikova, Nadezhda N. (2016) “And yet: do grass and trees become buddhas?”, *Understanding Nature in Japanese Culture*, Delo, Moscow, pp. 9–38 (in Russian).

Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2014) *Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions*, Politicheskaya enciklopediya, Moscow, (in Russian).

Trubnikova, Nadezhda N., Kolyada, Maria S. (2018) “Konjaku monogatari shū in Japanese *Set-suwa* Tradition, 8th – 11th Centuries”, *Humanities Research in the Russian Far East*, Vol. 3 (45), pp. 35–45 (in Russian).